

The article outlines the main results of the investigation of the southern farm of kleros 150 in the environs of Chersonesus (the Heracleian peninsula) and its chora. Five building periods have been singled out. The estate was built at the end of the 3rd – beginning of the 4th quarter of the 3rd c. B.C. on the site of an earlier unfortified farm which had existed in the northern part of the kleros. The estate was not very big but well fortified, and fulfilled not only economic, but first of all, a military function, which was important at the time of unceasing wars against Scythians. The first building period lasted until the mid 1st c. B.C. when the estate was rebuilt and enlarged, and the tower lost its defensive function, which reflects a more stable situation in the Chersonesian state. The second period lasted until the 60s of the 1st c. A.D. when the estate was again reconstructed. During the third period the estate was considerably enlarged and acquired a number of peculiarities which make it possible to compare it with the Roman estates described by Roman agronomists. Comparison of the excavation results with their treatises has enabled the authors to determine the purpose of the majority of the estate premises. During the reconstruction a big consignment of tiles with stamps of the 5th Macedonian legion (15 stamps have been found) was brought to the estate. This fact testifies to the existence of special ties of the owner with the commander of the Roman garrison. During the first two periods of existence the estate had been the center of a standart kleros, but then its dimensions increased. A new reconstruction together with the replanting of the surrounding territory took place in the 60s of the 2nd c.A.D. As a result of terracing the Yukharine gully the area of the arable land grew, and the estate having swallowed a few adjacent kleroi became a large latifundium. At the time cattle breeding, sheep raising in particular, played a considerable role in the economy of the estate. The quarry, the remains of which have been dug out not far from the estate, probably belongs to the same period. The estate continued to prosper in the 2nd – 3rd cc. A.C. In the last quarter of the 3rd c. as a result of the Gothic invasion and subsequent devastation of the Chersonesian chora the estate was reconstructed again: complexes for goat and cattle breeding were added. However in the 3rd quarter of the 5th c. the inhabitants left the estate, the entrances to it were carefully blocked, and the main part of the inventory taken away. Judging by the inscriptions on amphorae the name of the last owner of the estate was Basileides (or some other name starting with ΒΑΣΙΛΑ). It can be tentatively supposed that his ancestor who had owned the estate in the 2nd half of the 2nd c. had the same name.

© 1998 г.

Ю.Г. Виноградов

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ БОСПОР И РАННЯЯ ВИЗАНТИЯ

(В свете датированных боспорских надписей V века)

Одной из ключевых проблем отечественного антиковедения стала в последнее десятилетие концепция континуитета позднеантичного Боспора, призванная ответить на кардинальные вопросы: как и в какой степени повлияли опустошительные нашествия готов, а затем гуннов на перманентное развитие античной культуры, экономики и государственности в Боспорском царстве IV–V вв., какими путями и когда оно было в конечном итоге интегрировано в Византийскую империю. Предварительные итоги дискуссии по этим жгучим вопросам подведены в новейшей монографии Н.Н. Болгова, автор которой поставил себе главной задачей, «учтя работу предшествующих исследователей... взглянуть на историю Боспора IV–V вв. 'генерализую-

щим методом»¹. История науки, однако, неоднократно подтвердила, что непременным условием продуктивности и жизнеспособности создаваемой концепции может стать лишь критический анализ всей базы источников. И если в области археологии и нумизматики по занимающей нас проблеме в последние годы действительно достигнуты солидные результаты, то это никак нельзя отнести к эпиграфической документации, что и побудило автора этих строк сызнова обратиться к датированным надписям позднеантичного Боспора, начав с составления каталога документов.

К настоящему моменту мы располагаем всего шестью боспорскими надписями V в., датированными по вифино-понтийско-боспорской эре².

1. Вокруг рельефного креста с Α и Ω в секторах известняковой плиты, найденной в Керчи и подаренной в 1892 г. местному музею, где и хранится.

Ed. princ.: Латышев В.В. // МАР. 1895. 17. С. 61 сл. № 66; он же. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 88 сл. № 86 (далее – Латышев. СНХ); Диатроптов П.Д., Емец И.А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. 2. С. 12. № 13 (далее – КХНБ):

ἐτους γλψ ιμηνί Δούτρου || μνημεῖον Εὐσεβίου διακ[όν]ο[u].

Это надгробие 733 г.б.э. = марта 438 г. по Р.Х. было и остается «пока древнейшим датированным памятником христианства на Боспоре».

2. Беломраморная плита с гравированной рамкой, найденная в 1888 г. в Керчи и хранящаяся в Гос. Эрмитаже.

Ed. princ.: Латышев В.В. // ОАК за 1882–88. С. 22. № 31; IOSPE. II. 49¹; Кулаковский Ю.А. // МАР. 1891. 6. С. 24; Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 657. № 66; КБН, 67; КХНБ. С. 9. № 2.

Текст воспроизводится по изд. Латышева и КБН с поправками на основании фото (рис. 1)³:

† Ἀγαθ[ῆ] τ]ύχη.
 † Ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουπτοννο[u]
 βασιλ(έως) εὐσεβοῦς, φιλοκέσαρος καὶ
 φιλωμέου ἀνέστη ὁ πύργος οὐ-
 5 [το]ς καὶ ἐπὶ ἐπάρχου Εἰσγουνδίου
 [καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Σπαδίνου τοῦ ἐ-
 [πὶ τῆς π]ινακίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρω-
 [τ...⁸...]. Π[ρ]ος Σαυαγου καὶ ἐπὶ τοῦ
 [ἐπιμελετο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου
 10 [τοῦ δεῖνος, μηνός] Γορπιαίου · ΚΟΙΙ
 [-----^{±20}-----] Ἰαγί · ἔτ(ους) θ..

Этот огромной важности документ был и остается ключевым для истории позднеантичного Боспора, а посему заслуживает подробного анализа.

Первые два из *tria nomina* правящего царя унаследованы им, как отметил уже

¹ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 8. Исследовательский подход автора к источникам, безусловно, комплексный, однако внимательное ознакомление с работой убеждает в том, что подавляющее большинство разработок конкретных материалов предшественниками принимается на веру некритически, без надлежащей аналитической ревизии. Следствием такого подхода стало заключение о том, что «в IV в. уже активно идут процессы, приведшие в V в. к постепенному отмиранию как многих функций гос. аппарата, так и самого государства» (с. 80; ср. 120, § 9), фактически перечеркивающее всю концепцию континуитета, рьяно – и справедливо – отстаиваемую на каждой странице книги, либо – на худой конец – заставляющее резко сократить сферу его воздействия до континуитета культурного.

² Отправной датой эры было (условно) 1 октября 297 г. до Р.Х.; см. Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1963. № 3. С. 39–69; *idem*. Zur Chronologie der Königreiche Bithynia, Pontos und Bosporos // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Amsterdam, 1968. S. 299–330; Leschhorn W. Antike Ären. Stuttgart, 1993. S. 44–64.

³ Высококачественные фотографии этой и следующей надписей дружески предоставлены в мое распоряжение С.Р. Тохтасьевым, которому принадлежит и исправное чтение имени комита – Σπαδίνου, а не Οπαδίνου.

Латышев, от сарматской династии боспорских владык – Тибериев-Юлиев, ведущих свое начало от Аспурга; точное же чтение третьего имени породило разные версии: Δουπτοῦνου, Διουπτοῦνου, Δοῖπτοῦνου. Представляется предпочтительным принять первый вариант, верифицированный Латышевым при сличении эстампажа Гросса с камнем⁴ и отчетливо распознаваемый по фотографии: вертикаль третьей буквы царского имени выгибается подобно луку, что естественно для *йоты*, но напротив, вполне характерно для *ипсилона* (ср. последнюю букву в имени месяца). Негреческий характер имени Дуптуна ни у кого сомнений не вызывал, хотя его конкретная этническая атрибуция так и не была подкреплена надежными параллелями⁵.

Латышевым же отмечено и христианское влияние, проявившееся не только в изображении двух крестов, но и в титулатуре царя: в стк. 2 эпитет εὐσεβής = «благочестивый» стоит до, а не после (как у боспорских владык I–III вв.) титула φιλόκεσαρ καὶ φιλορώμεος⁶.

Почти все новейшие комментаторы считали, что в надписи Дуптуна речь идет о строительстве новой башни, призванной укрепить заметно сократившуюся линию оборонительных стен Пантикапея⁷. Однако глагол ἀνέσθῃ в стк. 4 начиная с классического времени (LSJ, s.v.: Dem. XX. 68) означал не только «воздвигать», но и «восстанавливать», что подтверждает и позднебоспорская эпиграфика⁸. Поэтому более адекватным оригиналу следует признать буквальный перевод Латышева: «восстала башня сия» (о поводе к строительству см. ниже).

В датировочную формулу вслед за именем правителя включен (polysyndeton) ряд высокопоставленных чиновников его двора, имевших самое непосредственное отношение как к обороне столицы, так и к стеностроительству (сткк. 5–8): епарх Исгудий, комит Спадин, одновременно выполнявший должность личного секретаря владыки (ὁ ἐ[πὶ τῆς π]υλακίδος), и, наконец, оказывающийся наиболее важным для нашей темы Саваг. Имя его в стк. 8 первоиздатель прочел как Σεαγαου (принято в КБН), однако еще Ю. Кулаковский на основании аутопсии камня в Эрмитаже установил, что «перед слогом αυ в этом имени совершенно ясно читается Σ, а не Ε, как прочел г. Латышев. Буква перед этой Σ не достаточно ясна, но, по-видимому, есть тоже Σ. Ее следует, вероятно, отнести к сочетанию та, которое представляет конец слова (начало его стояло на обломанной части камня)»⁹, что и было подтверждено им просопографическими сопоставлениями (см. ниже). Начальные буквы титула Савага все издатели вслед за Латышевым дополняли в πρω[τεῖνοτος? -]τα (Кулаковский -τας), однако расчет показывает, что тогда в лакуне остается не пять (как у Кулаковского) и даже не три (как у Латышева), а всего два свободных места, которые непонятно какими буквами должны быть заполнены, дабы получить сколько-нибудь подходящее слово с окончанием та или таς.

Просмотр достаточно большого числа позднеантичных и ранневизантийских документов и справочников по титулатуре официалов показывает, что не существовало ни одного даже самого длинного композитного термина, начинавшегося на πρωτο- и

⁴ См. КБН. С. 74 (комм.); *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. S. 517. Anm. 66.

⁵ Ср. «иранскую» этимологию Кнауэра у Кулаковского (ук. соч., с. 25, прим. 5).

⁶ Характеристику этого Латышевского аргумента Б. Наделем (*Nadel B.* Literary Tradition and Epigraphical Evidence // *DNA*. 1977. 3. P. 96. Not. 62) как «просто недоразумение» (a simple misunderstanding) следует переадресовать самому критику: приводимые им случаи якобы подобной перестановки (IOSPE.I². 704 – послание Полемона I, и эпиграмма (!) с титулатурой Котиса I – КБН, 958) не достигают цели, так как в них не содержится второго потестарного элемента («друг цезаря и друг римлян»), который, безусловно, и имелся прежде всего в виду Латышевым.

⁷ Ср. *Gajdukevič*. Op. cit. S. 515 f.

⁸ КБН 1241 (163 г.н.э.): χρόνω <δ>ιαφθαρέντα τ[ὰ τε]λ[η] ? ἐκ[] θεμελίωv οἰκοδομ[ή]σας... ἀνέσθ[η]σ[α]το.

⁹ Кулаковский. Ук. соч. с. 22. Качественная фотография камня (рис. 1) полностью подтверждает его чтение: за горизонталь «эпсилона» был принят инородный налет на мраморе. Ср., однако: *Латышев В.В.* // *ЗРАО*. 1892. V. С. 374.

содержавшего слог $\tau\alpha$, способного заполнить лакуну стк. 8¹⁰. Данное обстоятельство заставляет искать иной выход из создавшейся апории, а именно предположить, что титул Савага был не одно-, а многосоставным, состоявшим из 'лидирующего' эпитета $\pi\rho\omega\tau\omicron\varsigma$ и указания конкретной должности, в котором перед $\tau\alpha\upsilon$ (начало стк. 8) различимы две вертикальные гасы $\epsilon\tau\upsilon$. Поиск по обратному словарю более или менее подходящих должностей или титулов, оканчивавшихся на $\eta\tau\eta\varsigma$, заставляет отклонить такие, как $\tau\eta\rho\eta\tau\eta\varsigma$, $\delta\omega\rho\eta\tau\eta\varsigma$ vel sim., остановив свой выбор на единственно возможном $\kappa\omicron\mu\eta\varsigma$, $\eta\tau\omicron\varsigma$. Асс., а не gen. pl. $[\kappa\omicron\mu]\eta\tau\omicron\varsigma$ указывает, что стоявший впереди копулятивный предлог $\epsilon\pi\iota$ придает совокупному титулу значение не столько «первый над...», сколько «первый среди комитов», т.е. *primus inter pares*¹¹; о его функциональном наполнении речь пойдет ниже.

Самой важной, но и самой круциальной в данном документе оказалась его датировка, от которой в последней строке после сокращения $\epsilon\tau(\omicron\upsilon\varsigma)$ сохранилась четко различимая цифра единиц $\Theta = 9$, а за ней частично – приподнятый кружок от $\varphi = 90$ или $O = 70$ ¹². Утрата цифры сотен побудила комментаторов для установления даты памятника отыскивать побочные аргументы. Первоиздателя привлекло свидетельство Прокопия (de aedif. III. 7. 10) о восстановлении Юстинианом пришедших в ветхость стен на Боспоре, почему он поначалу датировал Дуптунову надпись временем правления этого императора¹³, от чего, впрочем, впоследствии отказался¹⁴. Кулаковского увлекло другое свидетельство Прокопия (Bell. Pers. I. 12.8) о том, что «издавна существовавшие независимо боспориты решили недавно признать власть императора Юстина», откуда было высказано предположение, что дата сооружения башни падает на один из годов правления Юстина I (518–527), а именно на 522 г.¹⁵ Дальше всех в этом направлении пошел В.Ф. Гайдукевич, предположивший, что после провалившейся попытки молодого Юстиниана водворить на боспорском престоле гуннского царевича Грода (Горда), император восстанавливает на Боспоре, естественно, под византийским верховенством, старую династию Тибериев-Юлиев, иными словами, это событие, по его расчетам, следует еще дальше отодвинуть за год воцарения Юстиниана (528)¹⁶.

На других комментаторов оказали влияние как ярко проступающие в документе традиции античного Боспора, так и, видимо, весьма относительные представления о развитии поздней лапидарной палеографии, отличавшейся, как известно, в IV–VI вв.

¹⁰ См., например, *Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. I–II. Berlin–Amsterdam, 1967* (II, p. 297 suiv. Index des titres): $\pi\rho\omega\tau\epsilon\mu\beta\alpha\tau\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma$ (I. 252 – распорядитель терм); $\pi\rho\omega\tau\omicron\nu\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma$ (II. 280 – время Палеологов).

¹¹ Потестарные конструкции типа $\sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\omicron\varsigma \epsilon\pi\iota \tau\omicron\upsilon\varsigma \delta\pi\lambda\acute{\iota}\tau\alpha\varsigma$ имеют или предполагают соответствующий глагол со значением «назначать», а кроме того не содержат 'лидирующих' прилагательных. Насколько мне известно, византийский государственный аппарат, должности которого копировал Боспор, не знал титула прото- или архикомита.

¹² Обсуждаемая ниже надпись № 6 показывает, что *коппа* имела на Боспоре в это время совершенно иную, неподходящую к нашему случаю форму, а именно вертикаль справа, а не слева (ср. рис. 5). Перечисляющий (без предпочтения) все возможные варианты Надель (op. cit., not. 62) включает сюда и $P = 100$ (с легкой руки этот элемент действительно можно принять за кружок крупного *rho*; ср. мнение А.И. Болтуновой в КБН. С. 75), что, однако, дает одну единственную дату: 109 г.б.э. = 189 г. до н.э. (!), а всегда столь осторожный В. Лешхорн (op. cit. S. 62) предполагает среди *Zehnerziffer* (!) также и $\Phi = 500$, что давало бы 212 г. н.э., когда на Боспоре правил Рескупорид III (!).

¹³ *Латышев* // ОАК за 1882–88. С. 22; IOSPE. II. P. 293 sq.; *он же* // ПОНТИКА (1909). С. 367. Принято А.А. Васильевым (ИГАИМК. 1927. V. С. 180; idem. The Goths in the Crimea. Camb. Mass., 1936. P. 71).

¹⁴ *Латышев В.В.* // ВВ. 1894. I. С. 661 сл.; *он же* // МАР. 1895. 17. С. 60 сл. («с наибольшей вероятностью может быть отнесена к V веку»).

¹⁵ *Кулаковский*. Ук. соч. С. 26. Справедливый упрек, высказанный им в адрес предположения Латышева («если бы перед нами было свидетельство о восстановлении стен Юстинианом, то надпись имела бы форму, близкую к подобному свидетельству от 476 года, сохранившемуся в Херсоне [на деле от 488 г. – *Латышев*. СНХ. 7], или было бы названо имя императора»), с не меньшей силой, однако, восстает и против датировки самого автора, к которой осторожно присоединился А.Л. Якобсон (МИА. 1958. № 85. С. 460 сл.).

¹⁶ *Gajdukevič*. Op. cit. S. 517 (ср. ниже прим. 46).

стагнационным характером, что дало повод Э. Миннзу датировать надпись 383 г.¹⁷, А.И. Болтуновой – 402 г.¹⁸, а И.Т. Кругликовой – даже первой половиной IV в.¹⁹

В итоге столетнего исследования Дуптуновой надписи мы получили в ее датировке огромный хиат более чем в столетие: памятник относили либо к IV в. (вплоть до 402 г.), либо уже к VI в. (522 г. и позже), а V век практически полностью выпадал²⁰. Между тем, сам документ хранил в себе более века после своего второго рождения молчаливое свидетельство, которое уже одно могло бы пролить свет на установление его более твердой даты. Удивительным образом, никто из изучавших надпись Дуптуна или привлекавших ее в своих штудиях не задался вполне естественным вопросом: а что же должна была содержать лакуна примерно в 20 букв в последней строке документа, зияющая между *месяцем* македонского календаря горпиеем и *годом* боспорской эры, ведшей счет времени по тому же македонскому календарю? Совершенно очевидно, что ответ может быть дан только один: указание на другую систему счисления времени, которой в эту эпоху (IV–VI вв.) мог быть только счет годов на индикты.

Как показали новейшие исследования, система параллельного летосчисления по индиктионам и по локальной эре была распространена в V в. в провинциях Византийской империи, которой Боспор в эту эпоху еще явно не принадлежал (см. ниже), однако как регулярное явление она появляется не ранее середины V в.: в Палестине и Аравии²¹, в Киликии²² и, что для нас особенно интересно, в тесно связанных с Боспором экономическими узами провинциях Анатолии²³. Даже не делая скидку на возможно запоздалое появление данного феномена на берегах отдаленного от центров Империи Боспора Киммерийского, дату надписи Дуптуна следовало бы искать в границах отмеченного хиата, причем не ранее середины V в. На мысль о датировке этого документа по двойной системе летосчисления могло бы навести одно только слово ΑΓΙ, сохранившееся в последней строке перед указанием года и без труда дополняемое в обычную в таких контекстах формулу: [ὥς δὲ Βόσπ](ορος) ἄγι (=ἄγι) ἔτ(ους) – «а как ведет счет Боспор²⁴, в году...». Стоящая в стк. 10 за горпиеем *kanpa*

¹⁷ Minns. Op. cit. P. 610. Ср. Бертье-Делагард А.Л. // ЗООИД. 1893. XVI. С. 82 («не позже IV века»).

¹⁸ КБН. С. 75, комм.; ср. с. 802 – IV в. (А.И. Доватур).

¹⁹ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 22. Прим. 80: прежде она датировала надпись концом IV в. (КСИА. 1965. 103. С. 10). Остальные исследователи пребывали в нерешимости, какую из предложенных дат предпочесть, либо присоединились к наиболее принятой датировке в КБН: *Nadel*. Op. cit. Not. 62; *Nawotka K.* // *Latomus*. 1989. 48. P. 334; *Leschhorn*. Op. cit. S. 62 f.; КХНБ. С. 9 сл.; *Болгов*. Ук. соч. С. 46 сл.

²⁰ Ср. выше прим. 14: Латышев, к сожалению, не уточнил даже, к какой половине V века он склонен отнести надпись.

²¹ *Meimaris Y.E.* Chronological Systems in Roman-Byzantine Palestine and Arabia. The Evidence of the Dated Inscriptions. Athens, 1992. P. 33 f.; автор отмечает для Аравии единственный случай 390 г. (El-Kureye, 151).

²² *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. P., 1987. № 105: Аназарба – 536/7 г., но месяц только юлианский.

²³ *Leschhorn*. Op. cit. S. 110, 465, № 48, 49 (Амис, VI в.); S. 110 f. (Трапузент, время Юстиниана I); S. 217, 237 f. (Эзаны, ?); S. 219, 274, 501 (Апамея, 478/9 г.); S. 219, 271, 500 (Евменей, 563/4 г.); S. 219, 281 f., 503 (Бекилли на Меандре, 459/60 г.); S. 227, 343, 528 (Филадельфия в Лидии, 514/5 г.); S. 407, 541 (Анкира, 569 г.). Показательно, что подобного двойного счета времени придерживаются и византийские хронисты, излагающие события V в., см., например, близкое по времени сообщение *Chron. Pasch.* 327: *μὴν Γορπιαίῳ, Σπetteμβρίῳ κς'*. Одну недавно опубликованную надпись, датированную 11-м индиктионом, издатель отнес к 307 г. лишь на том основании, что ее открывает «языческая» формула *Ἀγαθῇ Τύχῃ* (*Velkov V.* Eine neue spätgriechische Inschrift aus Novae // *Limes. Bologna*. 1994. S. 149–152), что опровергает один только Дуптунов документ (ср. АЕ. 1994. 1525).

²⁴ Перед *альфой* стоит аббревиатурный знак в виде выступающей вверх вертикальной галы, такой же, как в стк. 3 после βασιλι. Расчет размеров лакуны показывает, что менее вероятно сокращение *πόλ(ις)*, еще менее вероятно – *δῆμ(ος)*, ввиду очевидной утраты в столь позднее время гражданской общиной боспорской столицы легислативных прав. Числу пропавших букв идеально подходит [Βόσπ](ορος): от имени дошел след правого верхнего уголка *πi*. Под «Боспором» мог иметься в виду прежде всего сам Пантикапей, хотя не исключено и государство в целом. К датировочной формуле см. *Syll.*³ IV. Index. s.v. ἄγω (e). Для северопонтийских центров ср. IOSPE. I². 402. 31/32: καθὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει; 2.20: ὥς δὲ Τυρανὸς ἄγουσιν.

принадлежала числу месяца (20), за которым нетрудно восстановить месяц юлианского календаря Οἰκ[ι]τοβρίου²⁵, получив, таким образом, почти точный гемерологий (см. ниже).

После высказанных соображений резонно привести откорректированное восстановление строк 7–11 надписи Дуптуна, предоставив детальные вопросы хронологии дальнейшему исследованию:

- 7 καὶ ἐπὶ τοῦ πρώ-
[του ἐπὶ κόμ]ητας (?) Σαυαγου καὶ ἐπὶ τοῦ
[ἐπιμελετο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου
10 [τοῦ δεῖνος, μηνός] Γορπιαίου · κ', Οἰκ-
[τοβρίου ·, ἰνδ(ικτιῶνος)σ', ὥς δὲ Βόσπ](ορος) ἄγι· ἔτ(ους) θο[ψ'].

Согласно предложенному восстановлению, от цифры года сохранилась Θ = 9, поврежден Q = 70 и пропало [Ψ] = 700, что с учетом месяца дает нам дату 779 г.б.э. = 483 г. н.э. Реконструированная дата получает окончательное подтверждение со стороны просопографии, не привлекавшей до сих пор для датировки Дуптуновой надписи, хотя все предварительные шаги к тому уже были сделаны Кулаковским²⁶. По биографии Савага этой надписи подбирается целое досье документов, к анализу которого мы и переходим.

3. Ствол беломраморной колонны, найденный в 1868 г. в Тамани (рис. 2, см. вкл.).

Ed. princ.: Стефани Л. // ОАК за 1869. С. 194. IOSPE. II. 389; КБН, 1099; Яйленко В.П. // ВВ. 1987. 48. С. 163–166. Рис. 1 (см. вкл.); КХНБ. С. 20 сл. № 61. Ср. SEG III. 609; Feissel, Bull. ép. 1990, 903.

Аутопсия камня в Керченском музее позволила Яйленко изготовить свою прописку надписи, улучшив в ряде мест чтение текста, который и воспроизводится ниже:

- [e.g. κ(ύρι)ε, βοήθησον δούλους]
[ἀ]μπελου[ργούς (?) σ]οὺς ἐπτά,
[?] ἐλέ(η)σο(ν) αὐτοὺς καὶ μνημ[ου-]
ε]ῖς [sic!] μετὰ τῶν ἀγίων, ψ..
ἔτ(ε)ι καὶ μνηεὶ Ξανθικ[ῶ-]
5 εἰςιν [sic!] δὲ οἱ συνθιασεῖτα[ι-]
Δουτ[ζα]γας † Σαυαγασκου,
(?) Οριμαυ Δαππαις,
† Τρόφιμος Ὀμαρ,
Σ[αλ?]διχ Μιδαχ,
10 Το(?)βουλγαις Ἀτταις,
Μαλδαγ Κανδιτζις,
Αλμα[...⁵⁻⁶...]ζις Σευραγ,
ΔΑ[...⁶...? Ἀμ]ήν.

Автор, полагающий, что «обретя связный контекст, надпись становится существенным историческим источником» (с. 165), заблуждается. На деле для создания «связного контекста» методически недопустимо контаминированы формулы разнохарактерных документов: «трафаретные для поминальных и молитвенных надписей» (прим. 11) и свойственные посвятившему, почетным либо памятным надписям, завершающимся списком фиаситов. Полагая неуместным подробно разбирать здесь все предложения републикатора, остановлюсь лишь на существенных для нашей темы моментах²⁷.

²⁵ Фонетические формы названия октября в византийских надписях наиболее вариabельны: Ὀκτώβριος, Ὀκτὸβριος, Ὀκτὸβριος, в позднее время даже Ὀκτοῦμβριος (Dagron, Feissel. Op. cit. 97); у нас вероятна эпихорическая коррумпированная форма.

²⁶ Кулаковский. Ук. соч. С. 22.

²⁷ Ограничусь лишь некоторыми замечаниями по поводу общего характера памятника, который, судя по

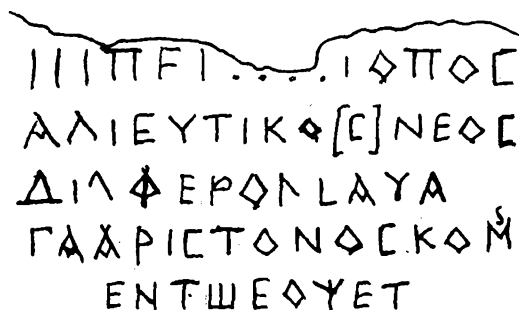

Рис. 3. Ineditum с Тамани

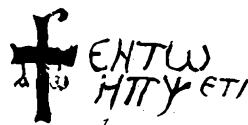
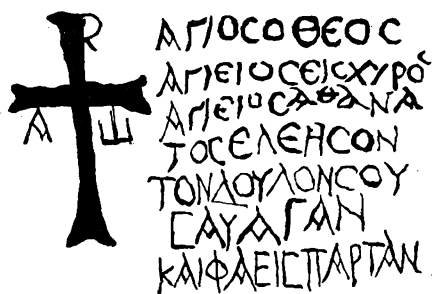

Рис. 4. Надписи № 5 А, В (Латышев. СНХ 77)

Бесспорной заслугой Яйленко следует признать прочтение им в стк. 4 слова $\epsilon\tau\iota = \epsilon\tau\epsilon\iota$, а в предыдущей – цифру сотен этого года $\psi = 700$, откуда следует, что дата документа лежит в пределах V в. (от 403 до 502 г.)²⁸. После центрального креста в стк. 6 вслед за первоиздателем и КБН републикатор читает имя $\Sigma\alpha\upsilon\alpha\gamma\alpha\sigma\kappa\omicron\upsilon$, хотя уже Кулаковский справедливо заметил, «что буквы КО можно с таким же правом принять за начало следующего имени... и это тем более, что ведь для имени $\Sigma\alpha\upsilon\delta\gamma\alpha\sigma\kappa\omicron\varsigma$ нет аналогии в известном поныне эпиграфическом материале, так что оно не имеет за себя большей вероятности, нежели известное нам имя $\Sigma\alpha\upsilon\delta\gamma\alpha\varsigma$ »²⁹. В действительности и это предположение вовсе не обязательно, коль скоро за именем Савага в конце стк. 6 без труда разбирается его титул $\kappa\omicron\mu\eta\varsigma$ в том же стандартном сокращении, что и в Дуптуновой надписи. Возникающее, на первый взгляд, несоответствие должностей Савага в надписи из Тамани и Керчи устраняет следующий документ.

4. Обломок ствола известняковой колонны, найденной на Таманском полуострове и хранящейся в одном из кубанских музеев. Ineditum, копия которого (in schediis) любезно предоставлена в 1990 г. в мое распоряжение Б.А. Раевым через С.Р. Тохтасьева (рис. 3):

- 1 ΠΠΕΙ . . . [ὁ] τόπος
ἀλιευτικὸς νέος
διαφέρων Σαυα-
γα Ἀρίστονος κόμ(ητος)
- 5 ἐν τῷ εοψ' ἔτ(ει).

всему, отбит (отпилен?) сверху либо состоял из двух фустов, так как текст начинается in medias res. Необычный подбор и расположение слов в начале надписи, а также полное отсутствие формульных структур оправдывают мысль о том, что сткк. 1–3 содержат стихи – последние пять стоп гексаметра и полный пентаметр, читаемый следующим образом: αὐτοῦς καὶ μὴμ[ης τ]ῆς μετὰ τῶν ἀγίων. Окончательная верификация этой версии остается все же за осмотром оригинала.

²⁸ На качественной фотографии отчетливо читается непропорционально крупный *инцилон*, однако – как верно замечено Яйленко (ук. соч., с. 165, прим. 11) – «цифра Υ (= 400) соответствует 103 г.н.э., что противоречит христианскому облику надписи». Осмотр оригинала должен показать, действительно ли у *psi* «слегка попорчена вертикаль», или перед нами ошибка резчика. Вслед за знаком сотен четко различима вертикальная гаста с легким выступом верхнего конца влево, которая может принадлежать только Π, что дает нам цифру года от 780 по 789 б.э. или с учетом весеннего месяца *ксантика* 484–493 гг. Понятно, что предлог *ἐν*[ὁ перед dat. $\epsilon\tau\epsilon\iota$ исключен.

²⁹ Кулаковский. Ук. соч. С. 22; его мнение разделяет и М.А. Тиханова (SEG III. 609). Характерно, что ни в одной строке этого длинного списка «семи виноградарей Господних» не устанавливается ни одного явного патронимика; напротив, парное сочетание в стк. 10 *ποτ.* – *βουλαεῖς* – *Ατταεῖς* указывает на то, что отчества в каталоге вообще отсутствовали.

Перед нами, бесспорно, межевой столб (ὄρος), который маркировал недавно приобретенный (νέος) Савагом участок рыболовецкой станции (τόπος ἀλιευτικός). Надпись, датированная 775 г.б.э. = 478/9 г., окончательно подтверждает, что Саваг занимал пост комита, и впервые сообщает его греческое отчество – сын Аристона³⁰. Принадлежность же ему рыбопромысловых угодий на Тамани³¹ устанавливает причастие от глагола διαφέρω, управлявшего dat. или gen. с распространенным в античный и ранневизантийский период значением «принадлежать»³².

В последний раз имя Савага снова всплывает в Керчи, внося завершающий штрих в его биографию.

5. Надпись красной краской на стене ограбленной керченской катакомбы, фундаментально исследованной и опубликованной Ю.А. Кулаковским в МАР. 1891. 6. См. также: Латышев. СНХ, 77; КХБН, 49; Emetz I. Early Christianity in the Kingdom of Bosphorus // Эпиграфический вестник. 1995. 1. Р. 29.

А. На центральной стене левой ниши, вправо от изображения креста с подвешенными к перекладине буквами Α и Ω написана дата (рис. 4, 1):

ἐν τῷ ηψ' ἔτι (= ἔτει) – 788 г.б.э. = 491/2 г.

В. На правой половине правой стены начертана «Трисвятая» молитва с конкретизирующей концовкой (рис. 4, 2):

Ἄγιος ὁ Θεὸς | ἄγιος εἰσχυρὸς | ἄγιος ἀθάνατος ἐλέησον τὸν
δοῦλόν σου | Σααγαν | καὶ Φαεισπαρταν.

Трудно решить, воздвигнута ли эта усыпальница еще при жизни Савага, но уже определенно, он был погребен в ней со своей женой Фаиспартой, имя которой по счастливой случайности еще раз всплыло среди боспорских документов христианского времени.

5а. Два филактерия на серебряной и золотой пластинках, помещенных вместе в бронзовую цилиндрическую капсулу с ушками – нательный амулет. Найдены в 1896 г. пастухами в степи близ Копч-Такыл неподалеку от древней Акры. Хранились сначала в коллекции Б.П. Антоновича, потом Мессаксуды, откуда поступили в 1920 г. в Лувр, где и хранятся (инв. № M.N.D. 1341 и 1342).

Ed. princ.: Шкорпил В.В. // ЗООИД. 1898. XXI. Прот. С. 8 сл.; Придик Е.М. Греческие заклатья и амулеты из Южной России // ЖМНП. 1899. С. 123 слл.; Dain A. Inscriptions grecques du Musée du Louvre (1933) 175–177, № 201–201; Preisendanz K. // Arch. f. Pap. 1935. 11. S. 159 ff.; Kotansky R. Greek Magical Amulets (1994) 377–382. № 65–66 (II–III A.D.); КХНБ, 53–54. Ср. Minns. Op. cit. P. 320. Not. 4; Emetz. Op. cit. P. 29 f.; Болгов. Ук. соч. С. 54.

1. На серебряной пластинке продавлено:

1. † Φυλακτήριον πρὸς πω(η)ρὶν) πνεῦμα καὶ νόσους

2–5. Серия магических букв и знаков, в конце христограмма.

6. Σύ, Ὑγῖα, θεράπευσον Ἀβ-

7. βαγαζαν, ἦν ἔτεκεν Φαισфарта.

³⁰ Это делает беспредметным даже формальное сопоставление Болговым (ук. соч., с. 54) занимающего нас Савага с засвидетельствованным в одном китейском склепе Ζαβαγος Τασιον (Марти Ю.Ю. // ИТОИАЭ. 1929. III (60). С. 15; КБН, 944: второе имя Τάσιον = Τάσιον): они могли принадлежать к одному «знатному семейству» разве что по своим лингвистическим корням (о ЛИ Σααγας, Ζαβαγος, Ζαβαγιος, Ζευακος, Σεαβαγος, Σιαβαγος, Σιαναχος см. КБН. Указатель VIII; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag. 1955. § 106, 205, 210, 212, 290).

³¹ Новый участок (τόπος νέος) предполагает, что владения Савага на азиатском Боспоре включали по крайней мере еще одно τὸ ἀλιευμα.

³² Βέης Ν.Α. Über die Konstruktion von διαφέρειν ('gehören') mit dem Genitiv // Glotta. 1910. 2. S. 118–124; он же // ИРАИК. 1909. XIV. С. 115 сл.; Guarducci M. Epigrafia greca. IV. Roma, 1978. P. 330, № 3 (V–VI вв.): κομμητήριον διαφέρων (= ον) Ἀνδρέα; Dagron, Feissel. Op. cit. № 8, 37: τόπος διαφέρων Ἐκδικίας; 55, 93В; ср. p. 82, not. 79 (V–VII вв.); Wessel C. Inscriptiones Graecae Christianae veteres occidentis. Bari, 1989. № 18: οὗτος ὁ τόπος διαφέρει Πελεργίνου Φώλωνος, № 185.

1. πᾶν Sk. et al., πων(ηρὸν) – А.Ю. Виноградов, *privatim* II 2/3.

Ἀβρα[γ]αζαν – Sk., Pr., Ἀβραγαζон – D., Ἀββαγαζαν – K.

II. На золотой пластинке:

1. † Φυλακτήριον θεοῦ ζῶντος

πάτος κηλεύω με με IX ζόη, магический знак

серия магических букв и знаков

4. ΔΑΓΜΕΞΞΕΜΑΧΕΜΕ Ἀββαγαζαν.

2. πάντας κελεύω (ὕμᾱς) – Pr., cf. K., λέγω – D. II 4. μεξξेम – palindromos, K., Ἀβραγάζαν – Sk., Pr., Ἀβραγαζон – D., Ἀββαγάζαν – K.

Чтение предшественниками надписи на серебряной пластинке нуждается лишь в единственной поправке: одно из основных христианских понятий – πνεῦμα, прилагалось, как известно, в благостном смысле к Духу Святому, а в негативном – к злым духам; и те и другие могли уживаться в человеке³³. Коль скоро в боспорском обереге πνεῦμα явно сопоставлено с νόσους и противопоставлено магической целительной силе филактерия (πρός – от, против), то оно требует спецификации, а посему четко различимую (на фото и в копии Шкорпила) в предшествующем ему слове *омега* резоннее считать поздней графикой *омикрона* в сокращенной формуле πον(ηρὸν) πνεῦμα, постоянно встречаемой на амулетах и в магических папирусах³⁴. Филактерий из керченских степей подарил нам и имя дочери Савага – Ἀββαγαζα, для которой в надписи – по канону магических документов – указано только имя породившей ее матери³⁵.

Теперь, после проведенного анализа всего досье документов по послужному списку Савага, охватывающего достаточно узкий промежуток времени в 13–14 лет с 478/9 по 491/2 г., настал черед попытки воссоздать в общих чертах его биографию.

Саваг, сын Аристона, происходил, по всей вероятности, из знатной семьи одного из городов азиатского Боспора, владевшей на таманском берегу разнообразными угодьями. Коль скоро список οἱ συνθιασέεται, где он – будучи уже на царской службе – числится на втором месте одним из элитарных членов³⁶, был найден на берегу пролива в станице Тамань, его родным городом была скорее всего Гермонасса-Таматарха. Не позже 478/9 г. он получает высокий пост комита в центральной администрации Боспора, а в последнюю декаду своей жизни и карьеры переселяется в столицу, где и был погребен со своей супругой Фаиспартой в 491/2 году или вскоре после него.

Остается только установить более точную дату пантикапейской (2) и таманской (3) надписей, примирив показания обоих документов относительно служебного продвижения Савага. Представленная выше биография этого официала окончательно заставля-

³³ Cp. Kittel G., Friedrich G. Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament, s.v. πονηρός, S. 558, Anm. 80: «In der Anthropologie und Ethik wird... der Begriff des πονηρὸν πνεῦμα als Gegenstück zum ἄγιον πνεῦμα, die beide im Menschen wohnen können, gebraucht». Прекрасную иллюстрацию этому тезису дает свинцовый филактерий из Реджиди-Калабрия (Wessel. Op. cit. № 605): ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς (καὶ) τοῦ υἱοῦ (καὶ) τοῦ ἁγίου πνεύματος πνεῦμα ἄγιον φορῶ, υἱὸν μονογενῆ περιβέβλεμε (καὶ) πᾶν [πονηρὸν] π(νεῦ)[μα] καθάρῶ κτλ.

³⁴ Robert L. Hellenica. XIII (1965). P. 270, not. 2: φύλαξον Συντύχην Συντύχης ἀπὸ πονηροῦ πνεύματος παντός; *idem.* // JSav. 1981. P. 1–44=OMS VII, 482: οὐκ ἀντιτάσσεται μοι πᾶν πνεῦμα, οὐ δαιμόνιον, οὐ συνά(ν)τημα οὐδὲ ἄλλο τι τῶν καθ' Ἐδου πονηρῶν. Cp. Miranda E. // Rin. Arch. Christ. 1991. 67, 1. P. 122; Kotansky. Op. cit. № 25: πονηρὸν πνεῦμα καὶ κακοποιὸν καὶ φθοροποιὸν ἀπέλασον ἀπὸ τῆς...; 32. 10–12, 25–27, 32–34: οὐ φοβήτη... οὐδὲ πνεῦμα [πονηρὸν]; 35: πρὸς πνεύματα, cit. PGM 17. 9 sq.: πρὸς πᾶν ἀκαθάρτον πνεῦμα.

³⁵ Подробно см. Robert. OMS VII. P. 497, not. 1. Имя девицы может рассматриваться как местный грецизированный композит со второй основой γάζα = «сокровище». Имя матери сопоставлено с именем Фаиспарты керченской катакомбы 491 г. В. Шкорпилом (ук. соч., с. 9).

³⁶ В этой связи обращает на себя внимание, что кроме центрального христианского символа в стк. 6 крест еще лишь раз предваряет в стк. 8 имя Τρόφιμος, в стоящих за которым буквах ОМАР Яйленко (ук. соч., с. 165, прим. 11) пытался распознать семитское имя – патронимик или прозвище – христианина Трофима. Не проще ли, однако, видеть в них обычное сокращение ὁ μάρ(τυς), коррелирующее с упоминанием святых в стк. 3 – μετὰ τῶν ἁγίων? В таком случае погибший (от руки варваров?) за веру мученик Трофим (отсюда выделение его имени крестом) мог быть навсегда приписан к составу христианской общины гермонасситов.

ет отказаться читать во второй цифре датировки Дуптуновой надписи *κοπνυ*, поскольку подобное прочтение сразу же отодвинет документ в VI в., поместив его на 502/3 г., когда Савага уже десять лет как не было в живых. При надежно установленном порядке месяцев македонского календаря мы пока не располагали конкретными указаниями на начальный месяц года на Боспоре, тем более, что в римскую эпоху в разных полисах македонский год начинается с разных месяцев³⁷. Тем не менее Иосиф Флавий недвусмысленно сообщает, что в его время *дий* был вторым месяцем македонского календаря³⁸, откуда следует, что *ксандик* был седьмым, а *горпией* – последним месяцем македонского года. Как известно, между 15/16 и 46/47 годами произошла подвижка этого года на один месяц назад, так что *ксандик* стал приходиться на апрель, а *горпией* – на сентябрь³⁹. В таком случае, если боспорский календарь в V в. оставался лунным, то при идеальной интеркаляции 20 горпия 779 г. б.э. Дуптуновой надписи должно было приходиться на 20 сентября 483 г., тогда как, согласно предложенному выше чтению стк. 10, там стоит имя октября. Однако и это не должно удивлять, поскольку, например, две надписи Тиры позднеантониновского и северовского времени дают расхождение лунного милетского календаря с конъюнкцией соответственно в 4 и 27 дней вперед и назад⁴⁰. При любой калькуляции в лакуне стк. 11 керченской надписи 2 должен стоять шестой индикт (483/4 г.), таманская же надпись 3 могла быть поставлена не ранее апреля следующего 484 г. и едва ли позже апреля 492 г. – даты, начертанной на стене керченской катакомбы Савага (5А).

Гораздо более существенная проблема состоит в согласовании его постов по свидетельству Дуптуновой и гермонасской надписей, ибо в первом, более раннем документе, согласно предложенному выше дополнению, он облечен должностью «первого среди комитов», а во втором, более позднем – как и в надписи с Таманского п-ова 4 – просто комита, тогда как этот пост в данное время должен был занимать Спацин. Выход из создавшейся видимой апории может быть найден несколькими путями. Проще всего предположить, что составитель (соотв. резчик) гермонасской надписи просто забыл поменять титул Савага после его назначения на более высокий пост, исключать подобную ошибку не приходится, хотя она кажется наименее вероятной. Более продуктивно принять во внимание сильную дифференцированность должности комита в Византийской империи, откуда она была заимствована Боспором и где она принадлежала самым разным ведомствам: *comites sacri partimonii, sacrae vestis*, – *Caesaris*, – *τῶν πριβάτων*, – *βασιλικῶν ἱππῶν*, – *domesticus*, – *stabuli*, далее комиты флота, гетерии, святых владений, Малагины, схол, казны, частной казны, гвардии и т.п.⁴¹ Отсюда не покажется удивительным предположение о том, что Саваг и Спацин начиная как минимум с 483 г. поделили между собой прерогативы деятельности комитов в разных сферах государственной деятельности и даже в разных областях государства, к примеру, на европейском и азиатском берегу Боспора. В этой связи примечательно, что Спацин ко времени составления Дуптуновой надписи был наделен сразу двумя должностями – *κόμης* и *ὁ ἐπὶ τῆς πινάκιδος*, причем вторая не предварена обычным наречием *πρίν* – «прежде»⁴², поскольку только что заступивший на более высокий

³⁷ Samuel A. Greek and Roman Chronology. München, 1972. P. 174 ff.; Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 44 сл.

³⁸ *Ios. Fl. Ant. Iud. I. 80: ἐν μηνὶ δευτέρῳ Δίῳ μὲν ὑπὸ Μακεδόνων λεγομένῳ.*

³⁹ Samuel. Op. cit. P. 142 f.

⁴⁰ IOSPE. I². 2, 4; Бикерман. Ук. соч. С. 46.

⁴¹ Cp. Guillard. Op. cit. II. P. 290.

⁴² Этой прибавкой к своему прежнему титулу (e.g. *πρίν ἐπὶ τῆς βασιλείας*) официалы римского Боспора стремились подчеркнуть, каких вершин в своем *cursus honorum* они сумели достичь. Поэтому предполагать, как это делает Болгов (ук. соч., с. 77), что «бывшие»... «самые уважаемые люди государства... видимо... были отстранены от власти во время 'готской смуты'», по меньшей мере кажется наивным. В упомянутой автором надписи Тейрана КБН, 36 «большое количество» «отставников» (на деле всего четыре лица), уйдя на заслуженный покой в силу ротации должностей, вошли в элиту города – один из них даже стал жрецом всего фиса аристопилитов. О подобной же практике в малоазийских полисах см. Wörle M. Stadt und Fest in kaiserzeitlichen Kleinasien. München, 1988. S. 55–76, 123–135.

пост этот официал еще, видимо, не успел сдать дела по прежнему ведомству.

Учитывая тот не подлежащий сомнению факт, что все перечисленные Дуптуновой надписью чиновники должны были иметь самое непосредственное отношение к обороне и градостроительству (см. выше), сугубо в гипотетическом порядке можно следующим образом распределить полномочия поименованных официалов. Епарх Исгудий, по всей видимости, был царским наместником над европейской частью Боспора с центром в его столице – Пантикапее. В компетенцию комита Спадина, кроме прежней должности личного секретаря владыки, входило прежде всего командование вооруженными контингентами европейской епархии, тогда как Саваг, возможно, не расставаясь с подобными же полномочиями на азиатской стороне, стал *primus inter pares* всех комитов государства. Будущие эпиграфические находки смогут подтвердить, опровергнуть или скорректировать высказанные гипотезы, однако уже сейчас ясно, что выявленная выше констелляция самых разнообразных фактов и дат едва ли может рассматриваться как случайное совпадение, но должна быть признана надежной базой для воссоздания как биографии Савага, так и датировки документов.

Установленная дата надписи Дуптуна – октябрь 483 г. – позволяет гораздо реальнее взглянуть и на причины предпринятой акции стеностроительства. В своем блестящем исследовании надписи Зенона из Херсонеса 488 г. А.Л. Бертье-Делагард обратил внимание на единодушные сообщения византийских авторов о разрушительной силы землетрясения, в буквальном смысле потрясавшем в сентябре 480 г. беспрерывно, на протяжении 30–40 дней все побережье Пропонтиды, с последствиями которого на северном берегу Черного моря им и была поставлена необходимость восстановления херсонесских стен⁴³. Отсюда нетрудно догадаться, что подобная же насущная потребность – только еще раньше – была реализована боспорским царем Дуптуном, однако на сей раз без какой-либо помощи со стороны Византии.

Наконец, в нашем распоряжении остается еще одна датированная надпись позднего Боспора.

6. Нижний правый угол мраморный плиты с пазом для крепления сбоку. Приобретено в 1903 г. Керченским музеем, точное место находки неизвестно (рис. 5).

Рис. 5. Надпись № 6 (ИАК. 1904. 10. С. 90. № 107)

Ed. princ.: Латышев В.В. // ИАК. 1904. С. 90. № 107. КХНБ. С. 9, № 1.

ΟΙΜΗ

– ΝΥΤΗΣΙ

ἔτο[υ]ς 89ψ' †. 794 б.э. = 497 г. н.э.

Характер этого памятника, от которого сохранился незначительный фрагмент, до

⁴³ Бертье-Делагард А.Л. Надпись времени императора Зенона... // ЗООИД. 1893. XVI. С. 82; принято Латышевым (СНХ. С. 15); ср. Васильев А.А. // ИРАИМК. 1921. I. С. 319–322. Полное досье источников об этом землетрясении, спровоцировавшем цунами, сведено в фундаментальном корпусе: *Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th Century* / Ed. E. Guidoboni, A. Comastri, G. Traina. Rome, 1994. P. 302–305. № 189; авторы датируют катастрофу 24/25/26 сентября 477–480 гг.; продолжительность в 40 дней указана у *Marcell. Com.* 92. 6–10; в 30 дней – в *Chronogr. Magn.* 1–2.

конца не ясен. Буквы стк. 2 могут принадлежать дат. пад. сущ. κε[ντήσι (=σει) – «мозаика», тогда мы имели бы дело со строительной надписью, либо – ὑπ[ὲρ]ἀπα[ντή]ς. «Сретение», тогда перед нами надгробие, что позволяет дополнить в стк. 1 стандартный глагол [ἐκ]οιμή[θη]. Однако первый вариант предполагает дополнение глагола φκοδομήθη, не согласующегося с остатками букв в стк. 1, и кроме того наталкивается на то обстоятельство, что указанный термин встречается почти исключительно в мозаичных надписях. Второй же вариант, предполагающий, что неизвестное лицо скончалось в праздник Сретения Господня, что считалось особо счастливым предзнаменованием в загробной жизни⁴⁴, не находит пока никакой поддержки среди тысяч христианских надгробий, указывающих в лучшем случае день недели упокоения усопшего раба Божия или еще реже трагические обстоятельства его гибели⁴⁵. Оставляя этот вопрос открытым, следует лишь констатировать, что данная надпись была и остается пока самым поздним боспорским памятником, датированным по локальной эре.

* * *

Итак, настало время подвести основные концептуальные итоги. Выявленная выше система параллельного датирования официальных актов второй половины V в. по традиционному боспорскому и по византийскому летосчислению не может не рассматриваться как признак ощутимого политического влияния Византии на государственную жизнь Боспора, поскольку тот же феномен и в то же время доселе был зарегистрирован только в провинциях Империи. Наиболее красноречивым свидетельством этой вассальной зависимости выступает прежде всего титулатура царя Дуптуна, остававшегося, как и прежде, φιλόκεσαρ καὶ φιλορώμιος – «другом византийского кесаря и другом ромеев»⁴⁶. В унисон с этим звучит и филиация боспорским государственным аппаратом ряда ведущих и низших должностей Византии, таких как ἑπαρχος, κόμης, πρωτοκωμήτης (см. ниже). Поэтому мне кажется несомненным, что Боспор эпохи царя Дуптуна в сфере государственного строительства продолжил путь Боспора, протекший «царем-реформатором» Савроматом I, который совершенно очевидно копировал ряд прежде всего военных должностей из римской практики, а пост вице-царя ἐπὶ τῆς βασιλείας так даже ввел по указке Рима⁴⁷.

В то же время на Боспоре не заметно ни малейших признаков интеграции его в Империю, поскольку ни византийский кесарь, ни его легаты (в контрасте с Херсонесом того же времени) не появляются даже в датировочных формулах актов⁴⁸. Боспор управляется собственным монархом, если и не унаследовавшим, то присвоившим себе

⁴⁴ На это обратил мое внимание А.Ю. Виноградов.

⁴⁵ Ср. Catalogue of Ancient Earthquakes, № 162 (Кирена, конец IV в.): οἱ τοὶ ἐτελεύτησαν ἐπὶ ἀγροῖς Μυροπόλῃ σισυοῦ γενομένου...

⁴⁶ Об этом титуле как атрибуте клиентельных царств см. Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. L., 1984. P. 105–122. Латышев (МАР. 17. С. 60) полагал, что «в документе Дуптуна нет никаких прямых признаков подчинения чуждому господству». Напротив, Якобсон (ук. соч. с. 461) считал, что «собственно Боспор в начале VI в. стал уже вассальным, о чем неоспоримо свидетельствует боспорская надпись 522 г. (?) царя Диптуна... происходившего из старой местной династии Тибериево-Олиев, которая, следовательно, была восстановлена (фактически или номинально), но и то ненадолго. Аналогичную позицию занял Ю. Марти: «Очевидно, к этому времени [т.е. при Юстиниане] старая туземная династия Рискупоридов была восстановлена. Придворные чины эпарха и комита указывают на подчиненность Византии, привлекая на эти должности представителей туземного населения» (ВДИ. 1939. № 2. С. 132; ср. Амброс А.К. // Боспорский сборник. 1992. 1. с. 71). Однако мы до сих пор не располагаем никакими сведениями ни о том, что боспорская династия в IV–VI вв. прерывалась, ни тем более о том, что она была восстановлена именно Византией.

⁴⁷ По гениальной догадке М.И. Ростовцева (Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. II. Stuttgart, 1992. S. 127 f.; ср. мой комментарий, S. 151 f.).

⁴⁸ Утверждение Кулаковского (ук. соч., с. 25) о том, что «чин [κόμης] принадлежит к имперской служебной иерархии», и что «присутствие византийского комиса на Боспоре указывает на ближайшее отношение его к Империи», продиктовано исключительно формальным сопоставлением с комитом Диогеном в Херсонесе по надписи Зенона. Однако и эта с легкой руки сорвавшаяся констатация успела найти сочувствие, см. Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1988. С. 255. Ср. справедливую критику Болгова (ук. соч., с. 78 сл.).

πομίνα традиционно правившей с I по IV век династии Тибериев-Юлиев⁴⁹ и их титулатуру (φίλοκαισαρ καὶ φίλωρῳμαιος), лишь переставив в ней местами эпитет εὐσεβής в духе христианской конфессии. Континуитет государственности проглядывает и в приверженности датировать документацию вплоть до конца V в. по собственной боспорской эре, и в сохранении традиционных должностей первых веков по Р.Х., таких, как ὁ ἐπὶ τῆς πινάκιδος⁵⁰. Иными словами, Боспорская держава продолжила свое стабильное существование, цементируя свое прочной царской властью и разветвленным государственным аппаратом, распространявшим свои прерогативы на государственные и частные владения, простиравшиеся по землям обоих берегов Боспора Киммерийского (см. выше). Ни документально, ни археологически не прослеживается и намек «на общее запустение греческих центров», хотя бы одного азиатского Боспора⁵¹.

Поскольку только что приведенная противоположная точка зрения уже успела получить одобрение и дальнейшее развитие⁵², необходимо несколько слов сказать о том документальном фундаменте, на котором она построена. Речь идет об интересной надписи на известняковой обломанной снизу стеле, найденной в 1962 г. в Фанагории и хранящейся в Темрюкском музее. Предварительное сообщение об этом памятнике с качественной его фотографией опубликовано Яйленко⁵³, который широко датирует надпись IV–VI вв. и читает текст следующим образом: ἐνθάδε(ε) | τοξεύει | Οὐστανος | [ὁ] πρ(ω)τ(ο)[κ](ω)μίτ(η)ς | Χιμίρι(δο)ς | υἱὸς Ἀγαθοῦ τοῦ | - - - . «Здесь стреляет из лука Устан, протокомет Киммериды, сын Агафа, сына...». Однако в таком прочтении этой столь же оригинальной, сколь и прозрачной надписи она едва ли заслуживает быть признанной полноценным историческим источником, тем более базой для столь далеко идущих исторических выводов. Чтение и интерпретация издателя едва ли способны устоять под нажимом следующих серьезных возражений как эпиграфического, так и языкового порядка:

1) в конце стк. 2 стоит четкое Т, а не необходимая для чтения издателя йота, равно как и

2) вторая буква стк. 3 – йота, украшенная сверху небольшим штрихом-апексом, а не ипсилон, всегда имеющий в сткк. 2, 7 и 8 (bis) широко раздвинутые усики;

3) в стк. 6 ΧΙΜΙΡΙС не может быть аббревиатурой γεν. топонима Χιμίρι(δο)ς, так как в строке остается достаточно свободного места для двух, якобы сокращенных букв; типичная в позднем койнэ форма Χιμίρις = Κιμίριος < Κιμμέριος не что иное, как личное имя усопшего, вслед за которым по всем нормам формульной стилистики стоит его отчество – υἱὸς Ἀγαθοῦ;

4) согласно прочтению издателя, памятник должен был представлять собой межевой столб (ὄρος), маркировавший тир или стрельбище, где некий загадочный Устан упражнялся в стрельбе из лука. Однако уже одна только вводная формула ἐνθάδε, свойственная чуть ли не стопроцентно исключительно надгробиям, подсказывает, что перед нами оригинальный titulus memorialis, который мог стоять либо на некрополе или где-нибудь в степи, а потом был перетащен как строительный материал на городище. Сопоставление палеографии документа с во многом идентичным шрифтом вышеразобранных надписей, а также с учетом поздних графических норм и отсутствия христианской символики заставляет сузить его датировку до V в., скорее даже до второй половины столетия, а текст его читать следующим образом:

⁴⁹ Любопытно, что эти πομίνα regis не употребляет загадочный царь Хедосбий, надпись которого КБН, 846 я все же склонен датировать гораздо позднее предложенного В.В. Шкорпилом itegregnum начала 80-х годов III в.

⁵⁰ Должность эта засвидетельствована кроме того в КБН, 36В. 28/29 (275–278) и 584 (I–II вв.); ею был облечен, по мнению Латышева (PONTIKA, с. 126), личный секретарь царя в отличие от начальника канцелярии (ἀρχιγραμματοῦς, γραμματεῦς); ср. Rostowzew. Op. cit. S. 126; Блаватский. Ук. соч. С. 244.

⁵¹ Яйленко. Ук. соч. С. 167.

⁵² Болгов. Ук. соч. С. 115.

⁵³ Яйленко. Ук. соч. С. 167 сл. Рис. 2.

	Ἐνθάδ' ἡ- τοξεύετ- ο ἱστανό(μενο)ς	или в канонической орфографии:	Ἐνθάδ' ἐ- τοξεύετ- ο ἱστανό(μενο)ς
5	протω- κομίτες Χιμίρις υεῖδς Ἀγα- θοῦ τοῦ		5 протω- κωμήτης Κιμίριος υῖδς Ἀγα- θοῦ τοῦ
	-----		-----

Перевод: Здесь был сражен из лука (т.е. покоится сраженный из лука) назначенный протокометом Кимирий, сын Агафуса...

Артикль τοῦ в последней строке мог указывать кроме деда Киммерия и на должность его отца. Не уместившееся в стк. 3, а потому данное в сокращении⁵⁴ причастие от глагола ἱστανῶ (поздняя параллель к ἱστήμι) означает здесь то же, что и обычное (ката)σταθείς, т.е. «поставленный, назначенный» сверху. Impf. ἐτοξεύετο вместо ожидаемого аориста следует, видимо, отнести к смешению темпрога в позднем койнэ⁵⁵.

Итак, повторный анализ памятного камня из Фанагории не дает ни малейшего повода даже для предположения о том, что территория азиатского Боспора «после гуннского нашествия... кажется, была реорганизована в сельский округ, называвшийся Киммеридой; во главе округа стоял сельский староста – протокомет, происходивший из местной иранской знати»⁵⁶, что он был «скорее всего – не наместник из центра, а именно глава гражданского самоуправления»⁵⁷, ни тем более для далеко идущих отсюда выводов, «что большинство свободного населения позднего Боспора не испытывало прямого административного воздействия со стороны государственной власти»⁵⁸. Как раз напротив, термин ἱστανό(μενο)ς прямо указывает на то, что протокомет был наделен прерогативами власти над сельским округом близ Фанагории именно центральной администрацией державы.

В итоге предпринятого исследования датированных боспорских надписей V в. я прихожу к твердому убеждению в том, что концепция континуитета, которая практически всеми ее поборниками замыкалась рамками материальной и духовной культуры⁵⁹, должна быть распространена и на самую важную сферу – государственность. Боспорское царство в период от смерти Аттилы до воцарения Юстина I не только продолжало существовать как политический организм со своими традиционными и новоприобретенными институтами, но и процветало, как о том свидетельствует одно только эксплозивное появление в нем датированных документов. Кардинально нововведения, и прежде всего ошутимое воздействие византийского диктатора, нашедшего моментальное отражение в дипломатике документов⁶⁰, появляются лишь с момента интеграции Боспора в Империю сперва при Юстине (Procop. Bell. Pers. I. 12. 8) и окончательно с воцарением Юстиниана (Procop. De aed. III. 7. 10; Malal. Chron. p. 430 Bou.; Theophan. Chron. P. 175 Boor). Однако это уже тема нового исследования.

⁵⁴ Залезшая на рамку угловатая сигма в отличие от курсивной в сткк. 2, 5 и 6 могла одновременно служить и аббревиатурным знаком; ср., однако, ту же форму в стк. 7.

⁵⁵ Об этой тенденции см. Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Straßburg, 1901. S. 15 f.; Psaltis S.B. Grammatik der byzantinischen Chroniken. Göttingen, 1913. S. 200 f., 206.

⁵⁶ Яйленко. Ук. соч. С. 167 сл.

⁵⁷ Болгов. Ук. соч. С. 115.

⁵⁸ Там же. С. 67.

⁵⁹ Это особая тема, требующая специального анализа. Пока ограничусь лишь метким наблюдением Р. Котански (op. cit., p. 381) по поводу вышеперечисленного филактерия Аббагазы: «Though the text shows Christian influence (note the cross at the beginning [и в конце стк. 5]), it oddly invokes the personified Hygieia for healing, a phenomenon uncommon, though not entirely unexpected on magic texts such as these». Далее он отмечает, что impf. глагола θεραπεύω за редчайшими исключениями распространен в христианских амулетах.

⁶⁰ Ср. употребление в формуляре таманских надписей (Латышев. СНХ, 98 и 99) исключительно имен византийских императоров Юстиниана I (533 г.) и Маврикия (590 г.) вместе с их уполномоченными (трибуном и стратилатом), а также датировку их исключительно по индиктионам.

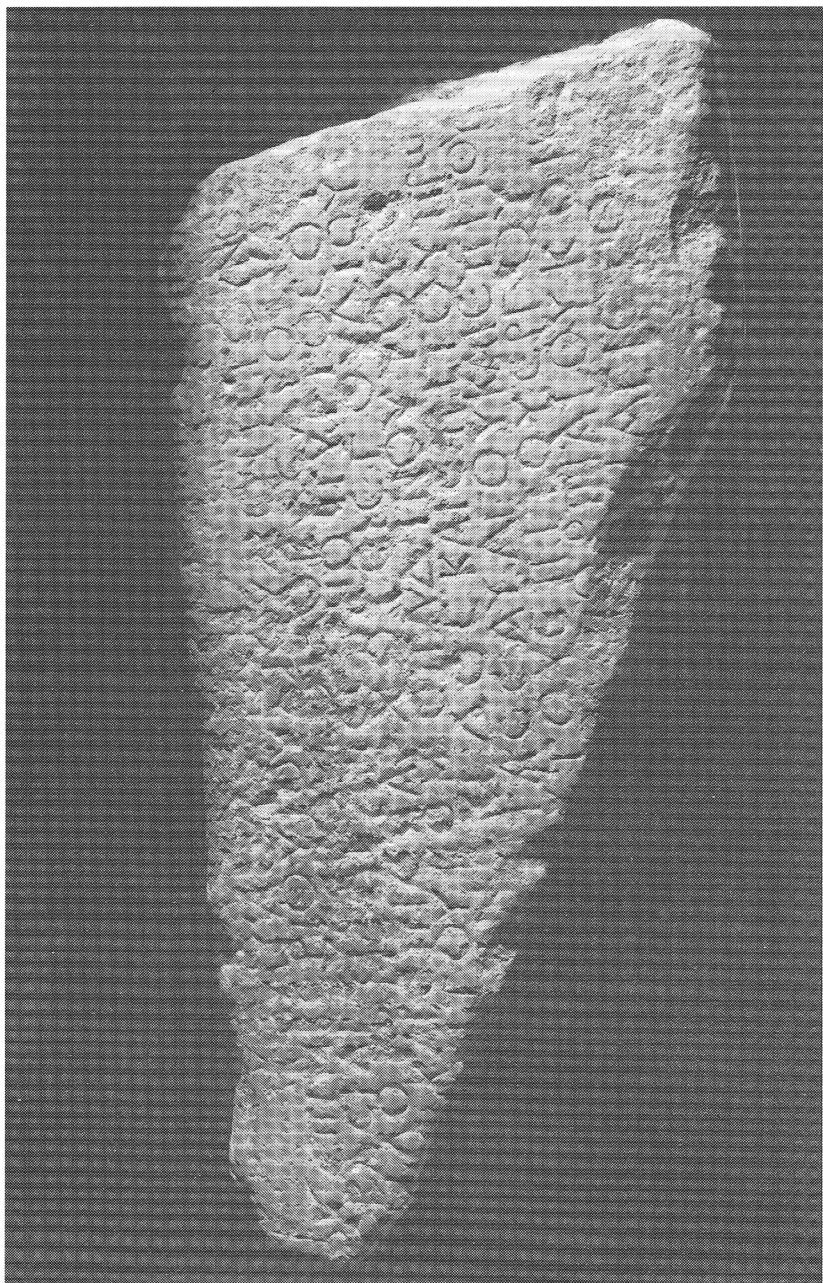

Рис. 1. Надпись № 1 (КБН 67)

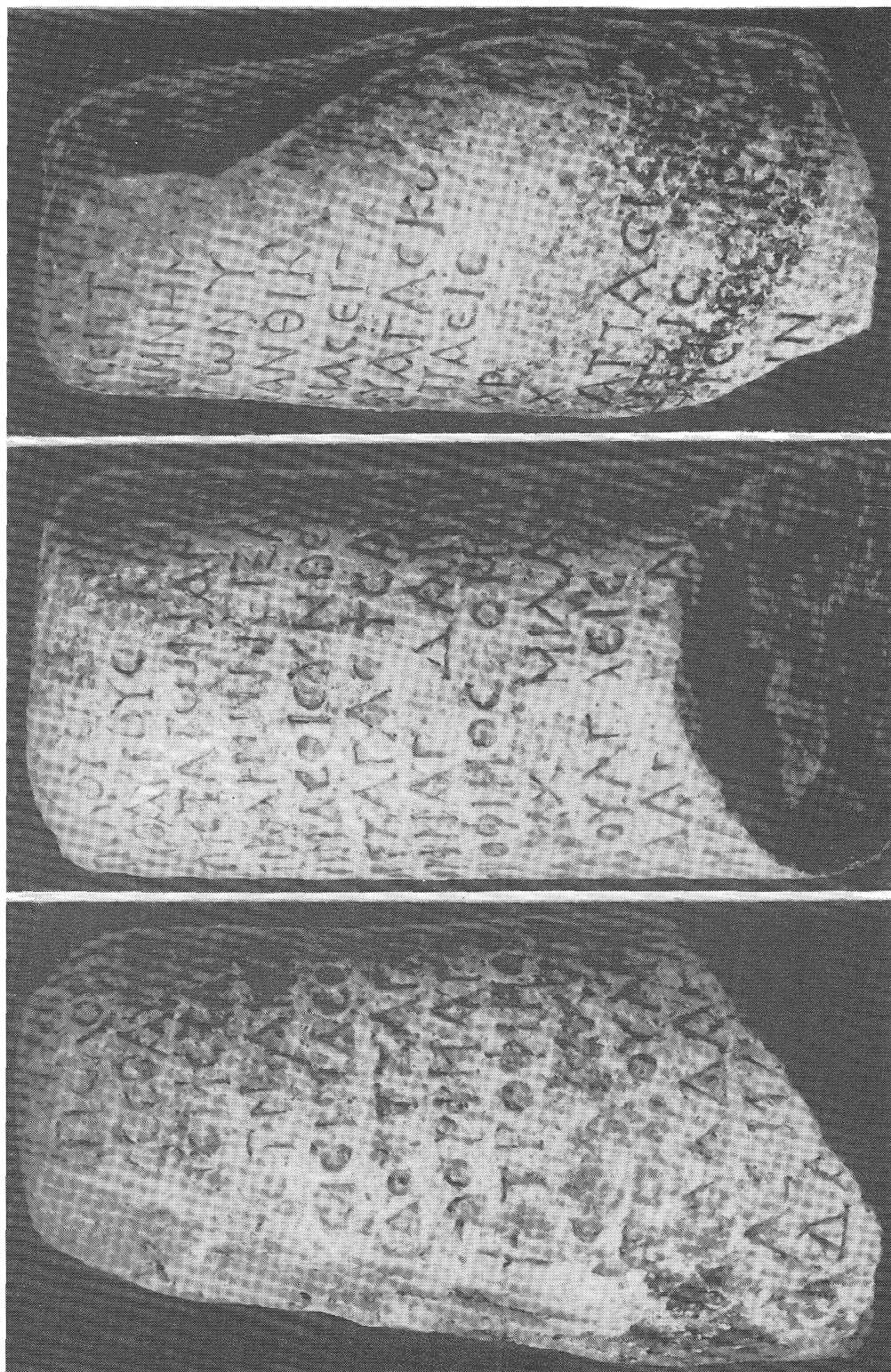

Рис. 2. Надпись № 3 (КБН 1099)

Yu. G. Vinogradov

The author compiled and analyzed a catalogue of 6 dated Bosporan inscriptions of the Vth c. A.D. The key document among them is the building inscription CIRB 67 mentioning king Douptunus. Extensive literature dates this document either to the IVth or the VIth c. since the figure denoting years has been damaged. The file of 4 documents concerning the biography of one of the functionaries mentioned in the inscription – Sauagas proves that he served as *comes* from 478/9 to 491/2, and Douptunus's inscription the last line of which undoubtedly contained the date on an *indict* should be dated to October 483.

The recent discussion of the concept of continuity in the late ancient Bosphorus centered exclusively around material and spiritual culture, whereas there is every reason to spread it to the most important sphere, that of statehood. The system of parallel dating of official acts in accordance with the traditionally Bosporan and the Byzantine calendars should be regarded as a sign of considerable political influence of Byzantium on the state life of the Bosphorus, since the same phenomenon and at the same time was registered only in the provinces of the Empire. The most eloquent evidence of vassal dependence is the title of king Douptunus who remained as before «a friend of the Caesar and a friend of Romans». Another example is the filiation by the Bosporan state apparatus of a number of leading and low posts of Byzantium (*eparchus, comes, protocometes*). In the political sphere the Bosphorus of the period followed the line of Sauromates I who had copied some military and state posts from Roman practice.

At the same time there are no signs of the integration of the Bosphorus into the Empire: neither the Byzantine emperor, nor his legates appear even in the dating of act formulas of the acts. The state is governed by its own monarch having the *nomina* of the dynasty of Tiberii Julii, who traditionally reigned from the Ist to the IVth c., and their title only slightly changed in the spirit of Christian confession. Continuity of statehood can be observed in the dating of documents up to the late Vth c. in the era of Bosphorus as well as in the preservation of some traditional posts of the first centuries A.D. The Bosporan state continued its stable existence cemented by the firm power of the king and the extensive state apparatus expanding their prerogatives to state and private lands on both shores of the Cimmerian Bosphorus.

© 1998 г.

Н.А. Фролова

ПРОБЛЕМА КОНТИНУИТЕТА НА ПОЗДНЕАНТИЧНОМ БОСПОРЕ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В 1985–1986 гг. при раскопках Ильичевского городища (Таманский п-ов) в одном из помещений (XXII) были найдены вместе медный статер Фофорса 586 г. б.э. = 303 г. н.э., два статера Рескупорида VI 619 г. б.э. = 323 г. н.э. и два золотых солида Византии Юстина I и Юстиниана I¹.

Солид Юстина I (518–527 гг.): л.с.: DN. IVSTI. NVS PPAVG. Бюст императора в фас, в правой руке копьё, в левой щит. Точечный ободок. О.с. VICTORIA. AVGGGA. Крылатая Виктория стоит, повернув голову влево, и держит в правой руке длинный крест, слева звезда; внизу под чертой буквы – СОМОВ; точечный ободок. В = 4,46 г (рис. 1; 1, см. вкл.). Д.М. Меткалф относит эмиссии золотых монет с такой легендой к мастерской, расположенной в Фессалониках².

¹ Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. III. СПб., 1913. С. 250. Табл. 17, № 103.

² Metcalf D.M. The Minting of the Gold Coinage at Thessalonica in the Fifth and Sixth Centuries and the Gold Currency of Illyricum and Dalmatia // Numismatic Studies. N.Y., 1988. P. 65–66.